ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
г. МОСКВА
19 ноября 1980 г. ЛИ

Вл. ОРЛОВ

Неизвестный Блок

ПОЖАЛУЙ, нельзя назвать ни одного писателя, чье творчество было бы известно в исчерпывающе полном объеме. То ли сам писатель уничтожил что-то из напи санного, то ли какая-то доля сделанного им, иногда немалая, исчезла в силу самых разных обстоятельств.

Такие утраты, бывает, оборачиваются трагедией в масштабах целой национальной культуры. У всех в памяти судьбы второго тома «Мертвых душ» и десятой главы «Евгения Онегина».

Претерпело известный ущерб и литературное наследие Александра Блока. В данном случае потери, к счастью, не так уж велики. И все же, обозревая творчество поэта, нужно иметь хотя бы приблизительное представление и о том, чего мы уже никогда не прочитаем.

Уничтоженное и утраченное

Из того, что Блок написал в ранней молодости, наиболее ощутимо исчезновение дневника, который он вел в 1898—1900 годы. Дневник был сожжен, по-видимому, в 1901-м или 1902 году, о чем Блок впоследствии, и не раз, высказывал сожаление. Не подлежит сомнению, что истребленный дневник дал бы много для понимания настроений и переживаний юноши, только-только осознавшего себя поэтом.

Надобно заметить, что Блок в величайшем порядке содержал все свое писательское хозяйство — рукописи, книги, корреспонденцию, газетные вырезки и журнальные оттиски, отклики критики, разного рода альбомы и прочее. Творческий архив поэта был приведен в состояние поистине образцовое.

Обширный архив этот дошел до нас, однако, не полностью. Часть его, хранившаяся в Шахматове, погибла в конце 1917 года при разгроме усадебного дома.

Из того, что погибло, особенно досадна утрата вещей, оставшихся неопубликованными. Это перевод статьи Э. Ренана об Ироде Великом, выполненный в июне 1901 года (позже Блок собирался его напечатать), переводы стихов М. Метерлинка (из книги «Теплицы»), ряд рецензий, несколько драматических набросков и рассказов.

В ноябре 1903 года Блок послал в «Журнал для всех» пять отзывов — о сборниках стихов и прозы И. Бунина, «Рассказах» А. Куприна и Н. Телешова. (Предмет пятой рецензии не установлен.) Ни один из них в печати не появился. Далее: в феврале — марте 1906 года Блок направил в журнал «Вопросы жизни» (а позже переадресовал в газету «Слово») три рецензии, также оставшиеся ненапечатанными, — на «Собрание стихотворений» С. Маковского, «Книгу отражений» И. Анненского и на два незначительных стихотворных сборника (Русский. «Думы и песни», Александра Костомарова. «Две лилии...»).

К этим утраченным рецензиям Блока примыкают две тоже затерявшиеся заметки, посланные в декабре 1903 года В. Брюсову для журнала «Весы», — о концертах певицы М. А. Олениной-д'Альгейм и о постановках пьес М. Метерлинка в петербургских театрах В. Ф. Комиссаржевской и Л. Б. Яворской. Относительно второй заметки известно, что она была отклонена редакцией «Весов», потому что «не хотели ругать Метерлинка».

Остальные пропавшие произведения Блока относятся к более позднему времени. Ограничимся их перечнем.

В январе 1912 года Блок по просьбе редакции популярного еженедельника «Солнце России» написал заметку для специального номера, посвященного памяти С. Я. Надсона, в связи с 50-летием со дня рождения этого небольшого, но необыкновенно популярного поэта. Среди разнообразных юбилейных материалов, помещенных в этом номере журнала, заметки Блока нет. Можно предположить, что тон и характер блоковского высказывания о Надсоне оказались столь не «юбилейными», что от обнародования заметки редакция журнала воздержалась.

К 1912 или 1913 году относились заметки Блока, касавшиеся целей и платформы только что возникшего издательства «Сирин», в делах которого поэт принимал ближайшее и руководящее участие. Блок охарактеризовал эти заметки как «соображения негласные». Черновик их был уничтожен.

В 1913 году Блок задумал написать статью о шумно вошедшем в моду Игоре Северянине. В составленном Блоком «Списке моих работ» отмечено, что материалы, подготовленные для этой статьи, «выброшены».

В октябре того же 1913 года Блок написал для какого-то неустановленного издания заметку, в которой заявил, что обрадован оправдательным приговором, вынесенным по знаменитому делу Бейлиса. Несмотря на предпринимавшиеся розыски в газетно-журнальной прессе, заметка до сих пор не обнаружена.

В 1914 году уже упомянутое издательство «Сирин» приступило к изданию нового четырехтомного собрания произведений Блока (оно осталось неосуществленным). Первым по времени должен был выйти сборник «Театр». Блок написал к нему предисловие, которое впоследствии уничтожил.

Также уничтожено было (в феврале 1914 года) открытое письмо к В. Э. Мейерхольду по поводу появившейся в его журнале «Любовь к трем апельсинам» статьи театроведа С. С. Вермеля «Момент формы в искусстве». Пустая, но претенциозная статья эта задела Блока. В ней провозглашалось, что «проблема формы в искусстве является центральным вопросом», что «сущность искусства лежит в сущности формы». Такое понимание искусства было для зрелого Блока совершенно неприемлемым, и он высказался на сей счет, по-видимому, со всей резкостью. Рукопись «открытого письма» не сохранилась.

Не дошло до нас и другое «открытое письмо», с которым Блок в феврале 1918 года обратился к М. М. Пришвину. Тот, разделяя тогдашние многочисленные заблуждения, задел Блока — автора статьи «Интеллигенция и Революция» в фельетоне, появившемся в газете «Воля страны». Блок на критику никогда не отвечал, но на этот раз изменил своему правилу: к М. М. Пришвину он издавна относился с уважением и приязнью — именно потому его выступление было воспринято Блоком особенно болезненно.

К 1919 году относятся две затерявшиеся рукописи Блока, имевшие, бесспорно, серьезное значение. Первая — отзыв о стихах М. Тумповской и Н. Венгрова, представленный в Союз деятелей художественной литературы. Вторая — написанная по просьбе А. М. Горького обширная рецензия на стихи иваново-вознесенских пролетарских поэтов Семина, И. Жижина и Д. Семеновского, кружком которых, как известно, заинтересовался В. И. Ленин.

В «Списке моих работ» при упоминании об этой рецензии есть помета: «Рукопись у Горького». Пока известна только часть рецензии, касающаяся Д. Семеновского. Она была послана Горьким Семеновскому, и тот напечатал ее в альманахе «Начало» (Иваново-Вознесенск), № 2—3, 1922. Может быть, полную рукопись блоковской рецензии следует поискать среди бумаг А. М. Горького.

Здесь мы подошли к вопросу о судьбе, постигшей богатый архив горьковского издательства «Всемирная литература» и тесно связанных с ним горьковской же серии «Исторические картины» и издательства З. И. Гржебина, руководящую роль в котором играл тот же А. М. Горький.

Архив «Всемирной литературы», на моей памяти, в конце двадцатых годов был свален не то на чердаке, не то в каком-то чулане ленинградского «Дома книги», а в дальнейшем исчез бесследно. Если архив был уничтожен, потеря эта невозместима. Здесь должны были находиться первостепенного значения материалы по истории становления советской культуры, и прежде всего многочисленные рукописи самого А. М. Горького.

Немало было среди бумаг «Всемирной литературы», «Исторических картин» и издательства Гржебина и литературных документов, подписанных именем: Александр Блок.

Вот отрывочные, безусловно неполные, данные о пропавших рецензиях Блока на произведения следующих авторов, представленные во «Всемирную литературу» в 1919—1920 годах: Ф. фон Заар (драмы), Косса (драма «Пушкин»), Д. Кардуччи, Р. Вагнер («Валькирия», «Лоэнгрин»), Х. Эспронседа, Г. Клейст, Т. Готье, Ш. Бодлер («Цветы зла»), Г. Гейне («Германия», «Атта Тролль», «Альманзор», «Романтическая школа»), — в переводах или под редакцией М. Веселовой-Кильдштедт, Н. Лернера, И. Гриневской, Г. Свириловой, К. Бальмонта, Б. Пастернака, Н. Гумилева, В. Коломийцева, В. Зоргенфрея, П. Морозова. Была написана Блоком и рецензия на сборник «Песни французской революции», составленный Овсянниковым.

Особую группу составляют утраченные отзывы Блока о пьесах, предназначавшихся для серии «Исторические картины»: о народной драме «Царь Максимилиан» (очевидно, в обработке А. М. Ремизова), о драматической поэме Н. Гумилева «Гондла», о стилизованной в «народном духе» драме А. Амфитеатрова «Васька Буслаев», о пьесе Е. Замятина «Огни святого Доменика», позже напечатанной. Этот перечень сопровождается в «Списке моих работ» пометами: «и мн. др.» и «рукописи у Горького».

Другая группа затерявшихся материалов связана с работой Блока в Большом драматическом театре (1919—1921). К ней относится перевод песни Карла и Амалии из «Разбойников» Шиллера, выполненный в 1919 году для спектакля БДТ. Перевод этот до сих пор не выявлен, никаких следов его не осталось и в бумагах Блока.

Перу поэта принадлежали многочисленные отзывы о пьесах, намечавшихся к включению в репертуар. В числе не дошедших до нас были отзывы о «Трибуне Гракхе» Н. Мишеева, «Бертране и Ратоне» Скриба, «Масках» В. Волькенштейна.

В 1920 году Блок стал председателем образованного в Петрограде отделения Всероссийского союза поэтов и членом приемной комиссии. Известно и опубликованно двадцать три отзыва Блока об абитуриентах Союза поэтов, но было их гораздо больше.

И, наконец, самая горестная, пожалуй, утрата — первый вариант статьи о Лермонтове, законченный Блоком 15 марта 1920 года. Статья предназначалась для однотомника Лермонтова, который Блок подготовил для издательства Гржебина. В первом взрианте статья была забракована. Как сообщил К. И Чуковский, хорошо знавший обстоятельства этого дела, Блок написал о Лермонтове так, как только он один мог написать, — о том, «какие сны видел Лермонтов», а от него ждали прежде всего общественно-политической характеристики поэта. Чувствовалось, замечает Чуковский, что Блок оскорбился. Не вступая в спор, он ограничился сухой биографической справкой.

Статью Блока (в первой редакции) читал А. М. Горький. Он внес в рукопись свои «вставки» и «замечания», с которыми Блок ознакомился 3 апреля 1920 года. Судьба этой рукописи загадочна: в архиве Блока ее нет, и следы ее потеряны. Вероятно, она осталась в архиве издательства Гржебина.

Задуманное и неосуществленное

Первый из известных нам нереализованных замыслов Блока относится к февралю 1904 года, когда он предложил В. Я. Брюсову для «Весов» статью об известном литераторе XVIII века А. Т. Болотове, обширное наследие которого Блок изучил, работая над кандидатским сочинением «Болотов и Новиков». Предложение это Брюсова не заинтересовало.

В январе 1906 года в числе того, что нужно сделать в ближайшее время, Блок упомянул еще о двух задуманных статьях. Первая — о поэзии Аполлона Григорьева, которую он горячо полюбил в ранней юности. Что же касается второй статьи, то известно лишь ее предполагавшееся заглавие: «Как это случилось?» Возможно, статья эта была связана, в замысле, с переживанием революционных событий. Не об этой ли статье (под другим заглавием: «Мир с нами») должен сказать заранее с печалью, что она не может пойти в «Руне», как в органе, посвященном чистому искусству».

Особенно интересны литературно-художественные замыслы Блока в области драматургии и прозы. Они относятся к 1906—1908 годам, когда поэт, говоря его же словами, настойчиво искал способы «сойти с шаткой, чисто лирической почвы», преодолеть «лирику» как форму мировоззрения, уводящего художника от общей жизни в глубь собственной души.

В ходе этих поисков Блок обратился к драматургии. После «Балаганчика», снискавшего шумный успех в театре В. Ф. Комиссаржевской в постановке В. Э. Мейерхольда, одна за другой были написаны еще две пьесы: «Король на площади» и «Незнакомка». Но счастливой театральной судьбы первого драматургического опыта они не разделили: обе были запрещены к представлению цензурой.

Сто́ль же плачевная участь постигла и драму «Песня Судьбы», которой Блок отдал много сил и на которую возлагал особые надежды. Он хотел увидеть свое создание непременно на сцене Художественного театра, но «Песня Судьбы» не встретила сочувствия у К. С. Станиславского и осталась сценически не воплощенной.

Неудачи, конечно, задевали Блока, но не обескураживали. Он уже был прикован к театру и помышлял все о новых и новых пьесах. Замыслы такого рода отмечены в «Списке моих работ», но сказано о них более чем лаконично: 1906 год — «Дионис Гиперборейский», драматический набросок; 1908 год — «Несколько набросков драматических сцен, связанных по настроению с «Песней Судьбы»; 1909 год — еще «Несколько набросков драматических сцен». Все упоминания эти сопровождаются пометой: «Уничтожено».

Впрочем, кое-какие следы уничтоженного все же остались в записных книжках Блока.

Так, 29 декабря 1906 года записано: «Намеченные мною пьесы: 1) «Гиперборейский Дионис», 2) «Дача на Крестовском острове», 3) Люди (может быть, те самые влюбленные) находят в проясняющихся сумерках в углу у стены башни (в углу зала) ели живого старого скомороха и менестреля (он, может быть, учит их любви)».

О «Даче на Крестовском острове», кроме заглавия, ничего не известно. К этой пьесе, равно как и к третьей, Блок, по-видимому, и не приступал. Но от «Гиперборейского Диониса» дошел до нас один черновой фрагмент, записанный тогда же — 29 декабря 1906 года. Он давно уже опубликован и рассматривался в литературе, посвященной блоковскому театру.

Далее: в перечне того, что нужно написать, составленном Блоком в конце 1908 года, обозначено: «Умирающий театр — пьеска». От этого замысла уцелели совсем небольшие и разрозненные наброски, которые можно датировать августом или началом сентября 1908 года. В числе действующих лиц этой «пьески» упомянут Арлекин. Вероятно, именно этот замысел пьесы об «умирающем театре» в другом случае фигурирует в записях Блока под заглавием «Арлекин за кулисами». (Мысль об «умирающем театре» была связана у Блока в это время с наравставшим интересом к кинематографу.)

Чуть позже, 12 сентября 1908 года, Блок записывает: «Новая драма (тишина, зеркала вод в лесу, мужичья поступь)». Больше об этом замысле ровным счетом ничего не известно.

Наконец, к ноябрю—декабрю 1908 года относятся бегло записанные заготовки для «пьесы о писателе», сохранившиеся в записной книжке. Похоже, что именно эти наброски Блок охарактеризовал как «связанные по настроению» с драмой «Песня Судьбы». В них явно сквозит автобиографический подтекст, в частности содержатся намеки на сложные отношения Блока с женой.

Прозаические опыты

Другой выход из «лирической стихии» намечался в прозу. По существу, он остался нереализованным, но кое-какие попытки в этом направлении Блок предпринимал.

В «Списке моих работ» под 1908 годом значится: «Два рассказа. Не напечатаны. Погибли в Шахматове». Нужно думать, именно об этих рассказах Блок говорил С. Городецкому (упоминание о них есть в воспоминаниях Городецкого о Блоке). Что это были за рассказы, каковы были их сюжеты — мы не знаем. Можно лишь сказать, что они не явились первыми пробами Блока в этом роде. Об обращении к прозе он думал и раньше.

Так, 24 января 1907 года, непосредственно после создания «Снежной маски» с господствующим в ней разгулом «лирической стихии», Блок намечает два таких совершенно разных сюжета: «Написать рассказ о мартовской весне, синих ледяных лужах и сумерках, о ветре уже теплом, о страстных свечах. (Гимназия). Или вербы. Панихида. **Другой рассказ:** Ученый сделал открытие в подборе библиотек: они подбирались одинаково, как будто **одна** душа собирала их в течение предыдущих столетий. Начать с того, как оправшиваются жители земли, как составляются бесчисленные каталоги. — Потом один древний старик встречает ту же влюбленную девушку, которую он встречал в юности. Узнает, в кого она влюблена».

Другая запись была сделана в начале октября 1907 года: **«Тема для фантастического рассказа:** «Три часа в Могилеве на Днепре». Высокий берег, белые церкви под месяцем и быстрые сумерки». (Эта запись дословно позторена 26 мая 1908 года.) Загадкой остается, почему декорацией для своего рассказа Блок выбрал Могилев, где он никогда не бывал.

Несколько позже, 18 ноября 1907 года, Блок, навестивший в Ревеле свою мать, сообщает ей: «Должно быть, я буду писать о ревельских лиловых, розовых и желтых домиках — стихи или прозу».

Между тем за это время была задумана другая проза — «Сказка о венгерской графине», ассоциативно связанная тоже с ревельскими впечатлениями. Этому замыслу Блок придавал, как видно, серьезное значение: на протяжении всего 1908 года в киевском журнале «В мире искусств» анонсировалась как «готовящаяся к изданию» блоковская «Книга сказок о венгерской графине» (она упомянута и в сборнике Блока «Лирические драмы»).

Сохранилось несколько черновых набросков, чуть-чуть приоткрывающих эту тему. Вот один из них, датированный 29 июля 1907 года:

«Нас было много в новогодний вечер у ярко освещенного стола. Сидя близко от середины, я мог видеть две длинные вереницы все уменьшающихся и ни в чем не отличных одно от другого лиц — по правую и по левую сторону стола.

Груды яств и бутылки с винами расположились так же равномерно, как десятки этих человеческих лиц, которые я умел различать только по привычке.

Одни из них ели и пили, другим дремалось, третьи нудно спорили о литературных направлениях, о добродетелях и пороках, об умерших родных и новорожденных знакомых. Никто, кроме меня, не помнил, что за столом нашим присутствует приезжая польская панна. Она сидела прямо против меня, и лицо ее было в тени очень ширской шляпы, с которой ниспадали каскадами страусовые перья на ее открытые плечи, сияющие, как слоновая кость, и на узкое платье из черного шелка. Среди всех сидящих за столом только она и я молчали. Может быть, это способствовало тайному сближению моих восхищенных глаз с ее глазами, которые, я чувствовал, смотрели на меня не отрываясь, с той широкой и укоризненной печалью, с какою смотрят глаза запертой в клетку вольной птицы.

Минутная стрелка уже приближалась к полуночи, когда я, первый, налил в свой узкий бокал крепкого золотистого вина, играющего иглами, и опустил на дно его единственный драгоценный перстень, который носил на руке. Таков был мой обычай: забывая женщину, я снимал перстень, на котором был вырезан ее знак, и бросал его в бокал с вином перед лицом другой — возбудившей во мне новую страсть.

И в ту минуту, как, волнуясь и тревожась, взглянула на меня с конца стола та—прежняя, с лицом кротким и слишком знакомым, — я встал со своего места и высоко поднял бокал с вином и перстнем.

Среди воцарившегося внезапно молчания увидел я, как подняла на меня лицо незнакомая панна; свет бросился в ее прежде затененные, непомерно грустные и темные глаза. И, словно читая свой приговор по длинному и древнему свитку, на котором горели непонятные и торжественные руны ее очей, я громко произнес:

— Я ненавижу вас, люди. Я люблю вас, панна».

Как видим, эта цветистая и ложно многозначительная проза в духе и манере декадентских стилизаций, густо насыщена образами и мотивами, хорошо знакомыми по стихам Блока. Одни из них питали эту прозу (например, мотив красавицы в страусовых перьях), другие, напротив, в дальнейшем переместились из прозы в стихи.

Впрочем, уже тогда, в июле 1907 года, на обороте только что приведенного фрагмента Блок переложил его в более привычную ему стихотворную форму.

В дальнейшем, в 1908-м, 1909-м и даже в 1913—1914 годах, Блок снова и снова возвращался к мотивам «Сказки», перераспределяя их по разным стихотворениям («Утро в Москве», «Часовая стрелка близится к полночи...», «Старинные розы...»). Последнее из этих стихотворений, помеченное в беловой рукописи двойной датой: «XI. 1908 (Ревель) — 2.I.1914, связано со следующим прозаическим наброском 1908 года, который в черновиках присоединен к фрагментам «Сказки о венгерской графине» и озаглавлен так же: «Сказка». Вот он:

«Из-за всего этого передо мной вырастает **человек**, обезумевший от того, что «ничто не ново под луною». У него волосы поднялись дыбом, как языки пламени, черный плащ раздулся, у пояса — кинжал, на ручке его под луною зарделись рубины. Он видит море и старый город — остановил бег, окалился, и сильный его подбородок прижался к рукоятке меча.

Ревель. Море.

Брюсов. Ибсен».

Заговорив в письме к В. Брюсову (март 1907 года) о своем тяготении к драматургии и прозе, Блок заметил, что еще очень плохо научился прозаическому языку. Приведенные наброски иллюстрируют это признание. Равно как и единственный своевременно напечатанный этюд — «Сказка о той, которая не поймет ее» (октябрь 1907 года), на которой лежит печать той же декадентской стилистики.

Блок и сам понимал, что его опыты в прозе успехом не увенчались. Когда (уже в 1913 году) редактор одной газеты обратился к нему с предложением написать рассказ, он ответил: «Рассказы мне не даются». Прошло немало времени, прежде чем Блок выработал сжатый, энергичный и точный прозаический стиль, о котором можно судить по таким шедеврам его революционной публицистики, как «Катилина», «Сограждане» или «Русские денди».

Книга итальянских впечатлений

После путешествия по Италии, совершенного весной 1909 года, Блок увлеченно, но ненадолго занялся «книгой итальянских впечатлений» под заглавием «Молнии искусства». Он возвращался к ней еще дважды — в 1912 и 1920 годах, но она так и осталась неоконченной.

С воспоминанием об Италии, собственно — о Венеции, был связан еще один интересный замысел, о котором узнаем из письма Л. Д. Блок к матери поэта от 17 октября 1909 года. Любовь Дмитриевна сообщала, что к Блоку приходил В. Э. Мейерхольд и уговаривал его «не бросать мысль» о музыкальной драме «Марино Фальери», которую они, оказывается, «проектировали» в сотрудничестве с композитором Черепниным и художником А. Я. Головиным.

Блока не могла не заинтересовать трагическая судьба венецианского дожа Марино Фальери (1274—1355) со множеством сопутствующих ей напряженных ситуаций: история патриция, оскорбившего жену дожа, заговор его против олигархической власти, к которому было привлечено простонародье, история доносчика, выдавшего заговор, казнь Фальери на ступенях «Лестницы гигантов». Блок в Венеции своими глазами видел в портретной галерее дожей пустое место, завешенное черным бархатом, где должно было бы находиться изображение Фальери. Судьба мятежного дожа не раз привлекала внимание художников (трагедия Байрона, драмы Делавиня и Суинберна, новелла Гофмана, опера Доницетти). Блок и Мейерхольд, как видно, ограничились только обсуждением темы.

Для полноты картины добавим, что в 1908—1909 годах в блоковских перечнях задуманного, но неосуществленного значатся статьи на следующие темы: «о том, что все уже написано»; о кружке молодых писателей, именовавших себя «одинокими»; о дневнике одного из «одиноких», Андрея Кондратьева; о шестом альманахе «Шиповника» (центральной вещью здесь были «Мои записки» Л. Андреева); о Валерии Брюсове, о «чувстве родины», о театре и кинематографе, о стихах Юрия Верховского, о «песне неизвестного происхождения» и др.

В те же годы было объявлено, что Блок работает над переводом «Книги песен» Гейне (переведено было только тринадцать стихотворений) и над книгой «Морис Метерлинк. Драмы и статья о театре» (перевод и предисловие Блока), к которой он, похоже, и не приступал.

«Завещается кому-нибудь другому...»

Другой не менее любопытный замысел датируется октябрем 1912 года. В дневнике Блока читаем: «Люба просит написать ей монолог для произнесения на Судейкинском вечере в «Бродячей собаке» (игорный дом в Париже сто лет назад). Я задумал написать монолог женщины (безумной?), вспоминающей революцию. Она стыдит собравшихся».

Знаменательный замысел! Литературно - артистический клуб «Бродячая собака», заведение весьма изысканное, был в представлении Блока средоточием духа праздности и суеслония, своего рода символом воинствующего эстетизма и снобизма. Сам он в это заведение ни разу не заглянул, как его ни завлекали туда. Вряд ли его монолог пришелся бы по вкусу тамошним заправилам и посетителям...

В феврале 1913 года, только что закончив драму «Роза и Крест», Блок записал в дневнике: «Бродит новая мысль: написать о человеке власть имеющем, — противоположность Бертрану». (Понятие «человек, власть имеющий» заимствовано из Евангелия.)

Бертран — главное действующее лицо и «мозг» блоковской драмы — был задуман как «человек по преимуществу», человек «со всем житейским», но трагедия его заключалась в том, что он был лишен «власти» над жизнью, не умел ею распорядиться и потому был унижен и искалечен ею. Бертран был любимым героем Блока — тем более знаменательно желание поэта создать образ человека, наделенного сильной волей, которой так не хватало Бертрану.

Достойно внимания, что и в этом случае Блок возвращался к исторической Венеции с ее бурной политической жизнью. Уточняя свой замысел, он писал: «Тут где-то, конечно, Венеция, и Коллеоне, и Байрон. Когда толпа догадалась, что он держал ее в кулаке, и пожелала его растерзать,—было уже поздно, ибо он сам погиб». И далее: «Солнце, утро, догаресса кормит голубей, голубая лагуна. — Дальний столбик со львом — в стороне вокзала. — Когда бросаются его растерзать, он погиб, но «Венеция спасена» — путем чудовищного риска, на границе с обманом, «провокацией», причем и «достойные» (но «не имеющие власти») пали жертвой. Какой-то заговор, какая-то демократка несказанной красоты, карты, свечи (если XVIII столетие, тогда уже — без догарессы)».

Намеченный в этих набросках образ вождя, который держит толпу в кулаке, а потом оказывается жертвой толпы, приводит на память историю римского трибуна Кола ди Риенцо.

Девятым декабря **1913 года** датирована первая наметка задуманной Блоком драмы **«Нелепый человек».** Предполагалось, что это будет большое, четырехактное драматическое произведение из современной русской жизни, с разветвленным сюжетом и большим числом действующих лиц. Здесь Блок собирался реализовать свое представление о «новом человеке», волевом и мужественном, способном «жадно жить и действовать», который должен прийти на смену человеку «старому», вялому и не приспособленному к живому делу, искалеченному в водовороте «страшного мира».

Блок возвращался к этому замыслу неоднократно — в октябре 1915 года, в январе и июне 1916-го, каждый раз расширяя и уточняя план драмы. Собираясь в июне 1916 года в действующую армию, он подвел некоторый итог тому, что сделал в литературе. Здесь записано: «Драма о фабричном возрождении России, к которой я подхожу уже несколько лет, но для которой понадобилось бы еще много подступов (даже исторических), завещается кому-нибудь другому...»

Замысел драмы «Нелепый человек» достаточно подробно исследован в блоковской литературе.

Остается назвать еще несколько произведений и изданий, задуманных Блоком уже в послереволюционные годы.

Это пьеса об Иисусе Христе, краткий план которой был записан 7 января 1918 года; непосредственно перед тем, как Блок приступил к поэме «Двенадцать». Это наброски стихотворения (или поэмы) «Русский бред», в которых продолжена начатая в «Двенадцати» тема разложения старой России (наброски датируются февралем 1918-го и апрелем 1919 года). Это библиографические заготовки для трактата по истории поэзии (1918 год), проекты сборника стихов, предназначенного для детского чтения, и нового издания сборника «Стихи о Прекрасной Даме», включающего автокомментарий к стихам (по примеру и подобию «Новой жизни» Данте),—оба 1918 года. Это намеченные в 1919 году темы «Исторических картин»: Франция XVIII века, Тристан, Изотта Малатеста, Галла Плацидия, Иван Калита, битва на Куликовом поле, «Лодка».

В 1920 году в числе книг, которые готовятся к выпуску в издательстве «Алконост», был назван «Дневник писателя» Александра Блока. Не установлено, что, собственно, имелось в виду — новая ли цельная книга или сборник ранее опубликованных работ. «Собрание статей» анонсировалось в книгах Блока начиная с 1911 года и кончая 1916-м. В июне 1916 года Блок записал: «Том статей собирать не стоит. Лучшая статья — о символизме. Но все — не кончено, книги не выйдет, круг не замкнут».

В том же 1920 году Блок думал о статьях, посвященных Тютчеву и Бальмонту, и приступил к ним, но работа приостановилась на первом этапе.

Последней попыткой такого рода оказались, уже в 1921 году, «пробы для детского театра» — от них до нас ничего не дошло.